

ВОКРУГ СВЕТА

1929 г. ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ № 21

Охота на волков с пастью. Со свистом рассекая воздух, падает первый удар плети на синюю змею.

„Зиф“

ВОКРУГ СВЕТА

1929 г. ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ № 21

6 р. в год за ежем. журнал „Всем След.“ прил. 21 №№ „Вокруг Света“, 12 №№ „Всем. Турист“ и 12 многокрасочных табл. „Народы мира“ на обл. Журнала. За границу подписная плата выше на 50%. За перем. адреса — 20 кон.

Редакция „Всем След.“ и „Вокруг Света“: Москва. Пушкинская. Лубянский пасс. пои. 63

Подписка на журнал „Всемирный Следопыт“ (только с приложениями по I абон.) принимается: в конторе журнала (Москва, Никольская, 10) и во всех почтовых отделениях а также письмонадателями.

Объявления в „Вокруг Света“ принимаются в конторе журнала (Москва, Никольская, 10, тел 2-32-36); за строку поим — 3 р. за страницу — 1.750 р. (сверх тарифа — госналог 10%) При многокр. печат. — скидка по соглаш.

10 р. в гид журн. „Всем След.“ с прилож. сверх указ. слева 24 книг полного собрания сочин. Дж. Лондона (вторая половина; первая половина, вышедшая в 1928г., высылается за 1 р. 50 к.)

СОДЕРЖАНИЕ: На порогах днепровских. Очерк А. П. Романовского, а Из-за масла. Рассказ Дж. Бимса. • По горам и лесам валдайским. Очерк С. Будинова. • Кое-что о драконах. • Охота на волка с плетью. (К рисунку на обложке). • Уголок филателиста. • По советской земле. • Объявления.

НА ПОРОГАХ ДНЕПРОВСКИХ

Очерк А. П. Романовского¹⁾

Рисунки худ. В. Щеглова

I

Застарелая болезнь. — Потомок запорожцев. — Лоцманский университет. — Случай с комиссарами.

У Днепропетровска — пароходный тупик. Еще около Кременчуга Днепр наталкивается на гранитно-гнейсовые отроги Карпатских гор. Врезавшись в них, он находит себе путь между двух каменных гряд и долго следует их направлению с северо-запада на юго-восток. Но вот у Днепропетровска левая гряда мощной дамбой пересекает путь Днепру, и он с отчаяния круто поворачивает на юг и бросается прямо на гранитные отроги, стремясь пробиться к морю. Отсюда и начинается сотня километров ожесточенной борьбы Днепра с гранитами. Он ревет и мечется как безумный, потрясая белопенными космами, и, бешено лижет голые камни, которые тысячетонными массами навалились ему на грудь. К Запорожью Днепр наконец прорывается сквозь каменные преграды, но из боя он выходит изматанным, иссеченным, искалеченным. И не мудрено: на протяжении ста километров он летит по гигантской каменной лестнице вниз на тридцать четыре метра.

Мы с художником Заславским решили вместо автобуса пересесть в лодку, чтобы вплотную почувствовать пульс и лихорадку разоренного Днепра, тем более, что через какие-нибудь два года Кичкасская плотина начисто излечит Днепр от этой застарелой болезни.

30 июня у Мандрыковского спуска мы сели в лодку, чтобы добраться до Лоцманской Каменки. Там мы надеялись найти лоцмана и лодку для спуска через пороги. Днепр здесь спокоен. Он уступчиво обходит длинный Становой остров, поросший зеленью.

1) Настоящие очерки являются результатом специальной поездки по Днепру летом 1929 г., совершенной беллетристом А. П. Романовским по заданию редакции журнала „Вокруг Света“.

Днепропетровск кутался позади в разноцветные дымы, как в шаль, раскинувшись на каменной гряде. Десятки труб, вышки, мосты, домны, потеющие розовым дымом, — все это шаги будущего. Мы же на время вступали в страну прошлого, в страну козацких легенд и былинной отваги.

На меднокрасном лице голубеют глаза с хитринкой.

Вот налево, около устья Самары — «кучугуры» — песчаные холмы. В 1660 году татары, собрав с Украины богатую дань, хотели переправиться здесь через Днепр. Запорожские козаки под предводительством атамана Ивана Сирко напали на татар и разбили их наголову. Сеча была так жестока, что, как говорит сказание, «кровь запеклась ни четверть аршина в земле, а трупов и черепов валялось видимо-невидимо». И до сих пор в песках «кучугуров» находят остат-

ки конской упряжи, старинное оружие и монеты, а ветры обнажают множество костей.

Впереди, на правом высоком берегу развернулось село Лоцманская Каменка — старинное гнездо лоцманов днепровских порогов. Эти отважные люди — прямые потомки запорожских Козаков.

Счастливый случай направил нас к одному из старейших и опытейших лоцманов — Андрею Коваленко. Мы с большим интересом входили в его хату. Внутренний убранством они напоминала скорее городское мещанское жильё. На столе была белая скатерть, на стенах кисели образа, фотографии и ученические работы маслом, а над ними, под потолком, по случаю праздника красовался цветистый бордюр из искусственных цветов; кровать и жесткий диванчик довершали обстановку комнаты. К окнам льнул украинский вишенник и грушевник.

Через минуту сбоку отдернулась занавесочка, и к нам вышел сам хозяин. Его внешний вид был поразительно характерен и как нельзя более совпадал с тем традиционным обликом запорожца, который сложился у нас благодаря живописи и литературе. Андрею Коваленко шестьдесят три года, но он юношески прям, фигура его плотна, но не тучна. На меднокрасном лице голубеют глаза с хитринкой. Густые брови с прочерью и роскошные белоснежные усы, нависшие над бритым подбородком, придают лицу добродушно суровую складку. Когда он смеется, немного откинув голову, и под усами зияет черная дыра рта, а глаза и крючковатый нос принимают хищное выражение, — тогда он удивительно напоминает того седоусого запорожца на знаменитой репинской картине, который стоит справа от стола и хохочет, держась за бока. Впрочем Коваленко имеет и непосредственное отношение к этой кар-

тине: Репин с него писал этюд для одного из своих персонажей.

Мы с восхищением разглядывали потомка запорожцев. Жест у него широкий и манера держаться независимая. Когда в разговоре я спросил его:

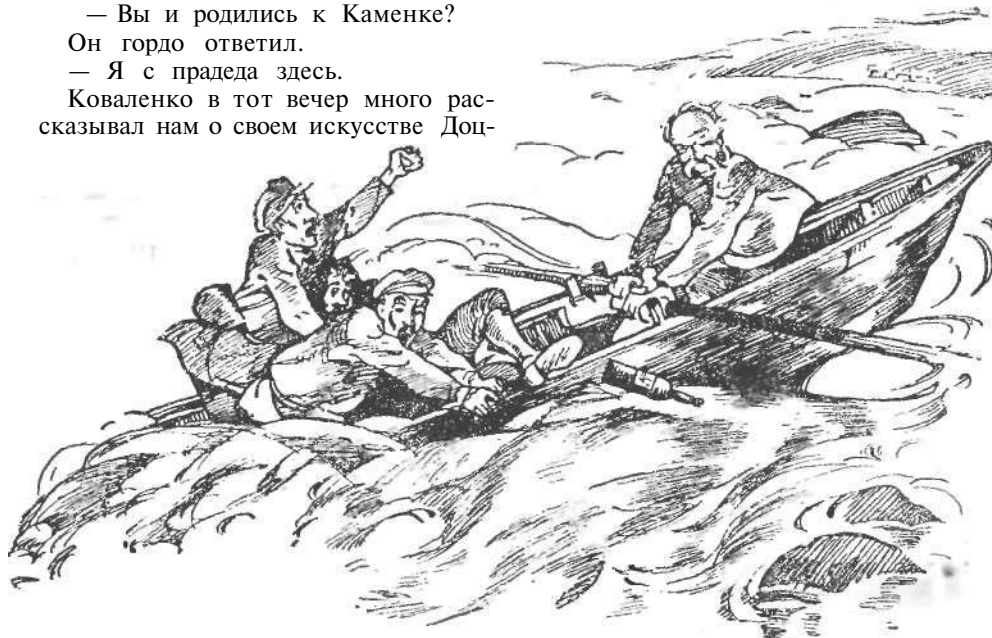
— Вы и родились к Каменке?

Он гордо ответил.

— Я с прадеда здесь.

Коваленко в тот вечер много рассказывал нам о своем искусстве Доц-

раз — трошки намочившись, но и то не по своей вине. Приехали к нам комиссары временные от Керенского. «Хотим,—говорят,—на пороги подывиться. Тилько кто,—говорят,—у вас самый наилучший лоцман, потому

Тут головний комиссар як вскочит да завизжит...

майская корпорация — это нечто вроде средневекового цеха. Знания и опыт передавались исключительно сыновьям и внукам. Обычно все мальчики с восьми до четырнадцати лет учились в школе, поэтому мужская половина населения в Каменке поголовно грамотна. Пятнадцатилетний малый Поступал в обучение к старому лоцману, а восемнадцати лет держал первый экзамен на помощника. С восемнадцати до двадцати пяти лет он продолжал практиковаться, после чего сдавал окончательный экзамен и в зависимости от способностей получал или первую статью — лоцман на барже и пароходе — или вторую — рулевой на плотках и «дубах». После такого лоцманского университета пороги Днепра молодому кандидату были так же знакомы, как и пороги его дома, — каждый камень, каждый горб днепровского дна он видел словно сквозь стекло.

Андрей Коваленко был лоцманом первой статьи. За свою жизнь он провел через пороги одиннадцать пароходов, т. том числе два в революционное время.

— А плотив и дубив — тай не счесть — раз пятьсот ходив через пороги, — прибавил он ладонью приглаживая усы.

— А бывали у вас аварии? — спросил я.

— Не случалось. — протянул Коваленко, я подумав, прибавил: — Було

майские люди». Повез я их. А у них бутылки та припасочки. И вот э там каменюк у Вороновой забори ¹⁾, трошки пид водой. Як пидхватило нас — ну, бачу, сидать на каменюке. В цей час и повернув я дуб на самии бурунчики — нехай, гадаю, проїдемо; а вода на забори скаче и реве. Тут головний комиссар як вскочит да завизжит: «Коваленко, куда ты прайвишь? Вин нас утонит! Спасайтесь!» Эх, и разогрев меня цей комиссар. Як зыкну на него: «Мовчать! Сидай на место!» От його визгу пошла суматоха. А дуб на забори то одним боком, то другим к води. Нахлюпало пивдуба. Сидят комиссары по колена в води, и припасочки их плавают. На берези головний опять засуетился: «Да как он смив! Да я йому не спущу!» Потоптали йому други комиссары, пидходит до менэ, руку жме и говорит: «Вы правы, Кокаленко!» А як же не прав? На води я головний! По уставу! — И Коваленко кивнул та стол, на котором лежал «Лон майский устав».

Перед сном мы вышли из хаты. Густо синим теплым бархатом окуталось небо. К земле тянулись золотые нити лучей. Гомон гармоник сменился топотали и приглушенными выкриками. Кое-где нехотят таявали

¹⁾ «Забора» в отличие от порога не преграждает русла реки от берега до берега, а оставляет где-нибудь свободный от камней проход.

собаки. Юго-восточный ветерок засыпал на лету. И только отдаленным непрерывным шум, будто от штатского мельничного колеса, захлестывал ленивую тишину ночи.

— Кайла к реву — завтра будэ добрий динь, — послышалось из темноты.

И с этим нельзя было не согласиться. Вековые народные приметы почти всегда находят себе оправдание в научных данных. Так и здесь: Кайдацкий порог от Каменки расположен на юго-восток; когда ветер оттуда, то он несет сушь прикаспийских степей; если же он дует с северо-запада, то приносит балтийское ненастье, и тогда не слышно шума порога.

На завтра мы условились пешком пройти к Кайлацкому порогу.

II

Музыкальный барометр. «Клонлень» сома. Отважные рыбаки. На крепостных валах. Шутки порога. Запорожский телеграф. Карнавал на Днепре.

От Каменки до Кайдацкого порога — километров пять-шесть. Мы отправились туда в сопровождении сына старого Коваленко. Это рослый человек лет двадцати семи, немного угрюмый и замкнутый. Он отлично знает природу и старину лестного края.

Путь наш лежал вдоль самого берега, то по рассыпям щебня, то по подсохшим наносам. Справа высилась каменная береговая терраса. Днепр вступал в свою страду. Целая семья островов и камней поднималась теперь из его вод. Тонкий, едва уловимый, почти музыкальный звук доносился оттуда. Это пели днепровские струи. Говорят, по этим звукам старики-лоцманы узнавали предстоящую погоду.

Вот Музичина скала: когда-то на ней разбилась барка, и лоцман Музика оставил скале свою незадачливую память и имя. Между островом Кайдачком и берегом гладкая поверхность Днепра впервые наморщилась и измялась. Рукав здесь неширокий, а потому и порог вышел игрушечный. Он так и называется — Порожик.

По реке скользили рыбацьи лодки. Одна из них заинтересовала меня. Оттуда неслись странные хлопающие ударчики — «клеи, клён, клён...» Рыбак не греб, лодку тянуло течением. Я следил, чем кончится эта ловля, так как недалеко начинался Кайдацкий порог. Внезапно удары прекратились, и рыбак засуетился. Потом он круто повернулся к берегу, в затончик перед порогом, и тут с большими усилиями ч хлопотами вытащил крупную рыбу.

Как оказалось, мы присутствовали при своеобразном ловле сома, рассчитанной на его музыкальные способности и даже на психологию. Обычно для такой ловли запасаются особым инструментом, похожим на вынутый клавиш рояля; на этой пластинке в известном порядке расположены зубринки и кончается она чашечкой. Рыбак опускает в воду шнурок с крючком. На крючке — приманка в виде каши в бумажке или цыпленка. Но сом все-таки может не заметить итого соблазнительного завтрака — тогда его нужно подзвать. Тут и приходит на помощь пластинка, которой рыбак бьет по воде. Эти удары очень похожи на звуки, издаваемые самкой сома. Самец спешит на них, но, не находя подруги, решает с горя утешиться хоть завтраком. Это называется «клопить» сома (от звука «клёп»).

Сом был кило на шесть. Серый, с длинными усами, со сплошной бахромой плавников, он устало и неуклюже изгибался на дне лодки.

Мы стояли под самыми береговыми утесами, которые отвесной стеной вздымались метров на двадцать. Ветровой гранит порос серовато-зелеными мхами и был угрюм. Мы двигались дальше, прыгая по каменным обломкам, торчавшим из воды. Шум порога нарастал. Впереди прижался к берегу Фалеевский канал.

Перебравшись по дубовому бревну с берега на дамбу, отделяющую канал от реки, мы замерли, пораженные открывшейся перед нами картиной. Днепр был неузнаваем. Куда девалась его солнечная гладь и величавая плавность! На протяжении полукилометра будто

тыре «лавы», четыре поперечных каменных хребта, через которые, как через плотины, с ревом несется вода. Из пены торчат камни, словно клыки разоренных чудовищ. Над поротом стоит шум, но не ритмичный шум морского прибоя, а сплошной, угрожающий. Шагах в семи не слышно слова, сказанного полным голосом.

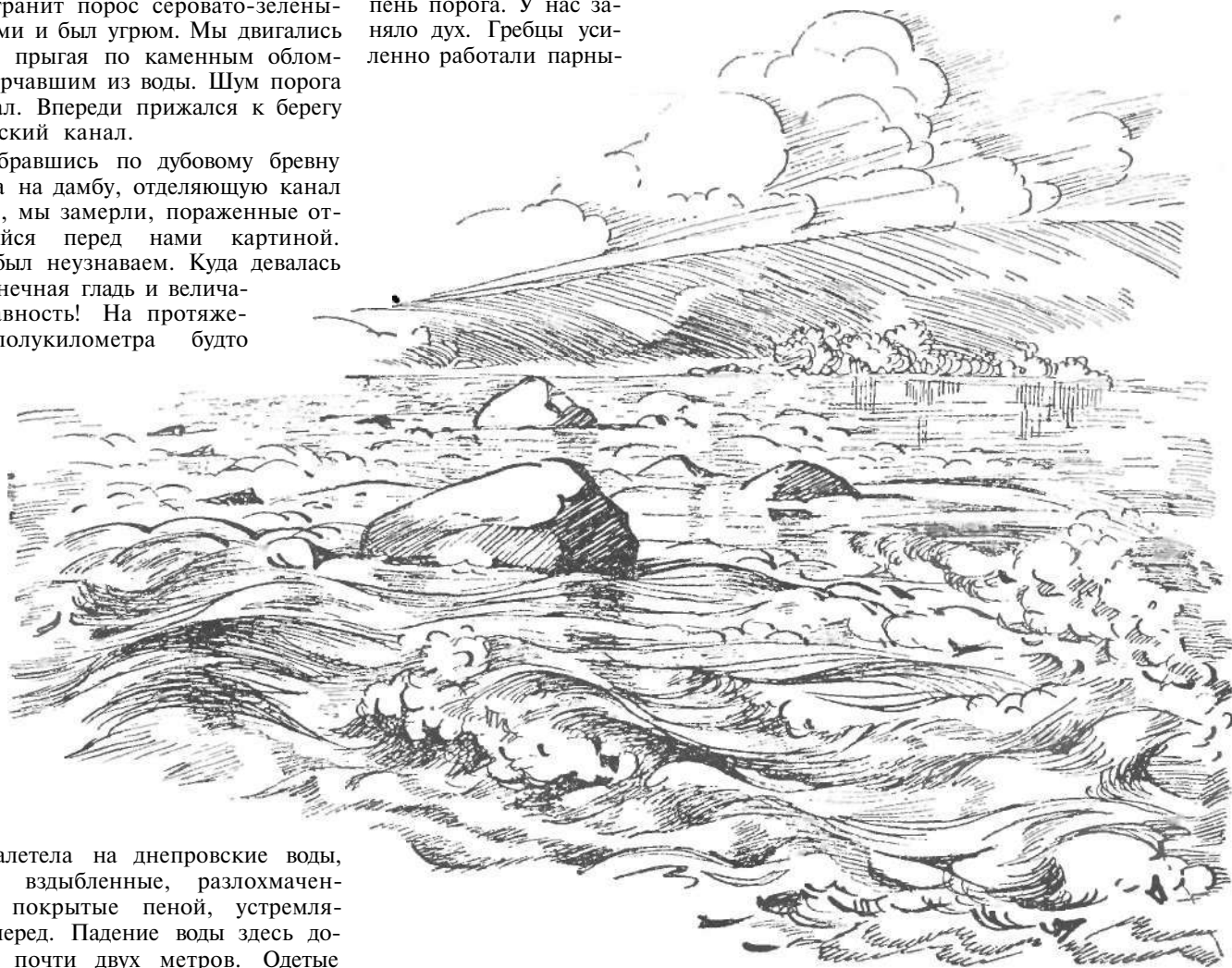
Трудно поверить, что там, по зыбким ступеням, в пляске и реве валов, среди смертоносных камней пролегает Козацкий ход, которым героические запорожцы водили свои большие челны — «чайки». Да и до сих пор в высокую воду это излюбленный ход для лоцманов-сплавщиков. Сколько отваги, умения и находчивости надо иметь, чтобы пускаться в этот смертельно рискованный путь! Ошибка на несколько сантиметров — и катастрофа неминуема: порог в щепки разнесет барку или плот и не выпустит людей из своих бешеных объятий.

Пока мы любовались неукротенной стихией, из-под дамбы вынырнули две лодчонки, в каждой сидело по гребцу. И не успели мы понять в чем дело, как они ринулись в самый кипень порога. У нас заняло дух. Гребцы усиленно работали парны-

ми веслами, и лодки держались все время навстречу течению. Вверх они не поднимались, но их постепенно сносило от берега. Сломайся весло, сорвись удар — лодку немедленно швырнуло бы о камни и захлестнуло прыгающими валами. Но гребцы одолевали протоки единым духом. Когда они заплывали за большой камень, где течением их не сносило, они причаливали и выскакивали на мокрый гранит. Эта схватка с порогом, как оказалось, была повседневным явлением и проделывалась ради рыбной ловли.

Смелыми рыбаками оказались парни-подростки из соседнего села. Вскочив на камень, они вынимали из лодок «фатки». Снаряд этот состоит из палки с крестообразно прикрепленными прутьями, к которым подвешивается сеть за четыре угла. Во время ловли фатка опускается в воду и через несколько минут снова поднимается. Ловят пидустов, красноперок, головлей, судаков. Но в этот раз порог плохо вознаграждал рыбацкую отвагу.

Оставив художника на дамбе «ловить воду», мы с Коваленко поднялись на береговой утес. Это был

буря налетела на днепровские воды, и они, вздыбленные, разлохмаченные и покрытые пеной, устремлялись вперед. Падение воды здесь достигает почти двух метров. Одетые в белые буруны, отчетливо видны че-

Над порогом стоит шум, но не ритмичный шум морского прибоя, а сплошной, угрожающий.

мощный пласт азойских пород'). Здесь воочию видна была работа реки: нависшие карнизы, отколотые глыбы, трещины в отвесе сверху-до-низу, — каждая ступень таила в себе тысячелетия борьбы. И вода ододела гранит.

Наверху, усиливая природную неприступность, поднимались валы старинной крепости Кодак. Ее построили поляки в 1635 году, чтобы ловить беглецов за пороги. Запорожские козаки не могли конечно потерпеть такого вторжения в их область. Пользуясь шумом порога, они подкрались ночью на своих чайках к самому берегу. Внезапным налетом овладели крепостью, вырезали польский гарнизон, а крепость разрушили до основания (в 1639 году). Валы теперь заросли травой, вокруг них — огороды и пашни. И до сих пор местные крестьяне, обрабатывая поля, находят в земле мечи, пистолеты, серебряную утварь и монеты. На валу стоит небольшой обелиск из розового гранита с надписью-памяткой о козацком подвиге.

Отсюда панорама Кайдацкого порога вся как на ладони. Волны, спады, водяные ямы сверху сглаживаются; но тем сильнее общая картина. Вот слева гладкая величавая лавина вод стремительно налетает на гранитную плотину — и вмиг лицо Днепра словно экземой поражается от берега до берега. Его кожа наморщивается, темнеет, шершавеет и трескается, в трещинах выступает белая накипь болезни. А немного ниже Днепр снова глядит светло и радостно, как выздоровевший, и шум порога замирает позади, будто промчавшийся ливень. Там же, на первых километрах, в порыве раскаяния Днепр обычно возвращает то, что изгнвали гранитные челюсти его порога.

Незадолго до нашего приезда был такой случай. Землемер и местный агроном с женой катались по Днепру на лодке. Они плыли сверху и неосторожно приблизились к порогу метров на двести, где течение становится стремительным и втягивает лодку в пасть порога. Заметив опасность, люди растерялись. Вместо того чтобы усиленно грести и бороться за жизнь, они побросали весла и стали кричать о помощи. Но если бы и были поблизости рыбаки, они не могли бы помочь погибавшим, потому что те уже висели над порогом. Спустя несколько мгновений их лодку швырнуло о подводные рифы первой лавы. Она сделала прыжок и вместе с людьми исчезла в пене, в брызгах провала.

¹⁾ Азойская формация — древнейшие геологические пласты, не имеющие никаких следов животных и растений.

Через несколько секунд обезумевшие люди, увлекаемые бешеным потоком, цеплялись за обломки. И может быть им удалось бы выплыть, если бы порог кончался. Но впереди молниеносно надвигался второй взлохмаченный гребень. Утопающих снова бросило в пучину. Оттуда вынырнули только мужчины. Их подхватило боковой волной и понесло в узкий проток между камнями. Это и спасло их. Обломок, за который они держались, застрял в камнях, поперек струи. Сделав последнее усилие, они вылезли из воды и почти без сознания повалились на плоский камень, торчавший из глубины. А тело женщины, избитое и посиневшее, часа через два выловили ниже порога. Так играет старый Кайдак с теми, кто вздумает попасть ему в лапы...

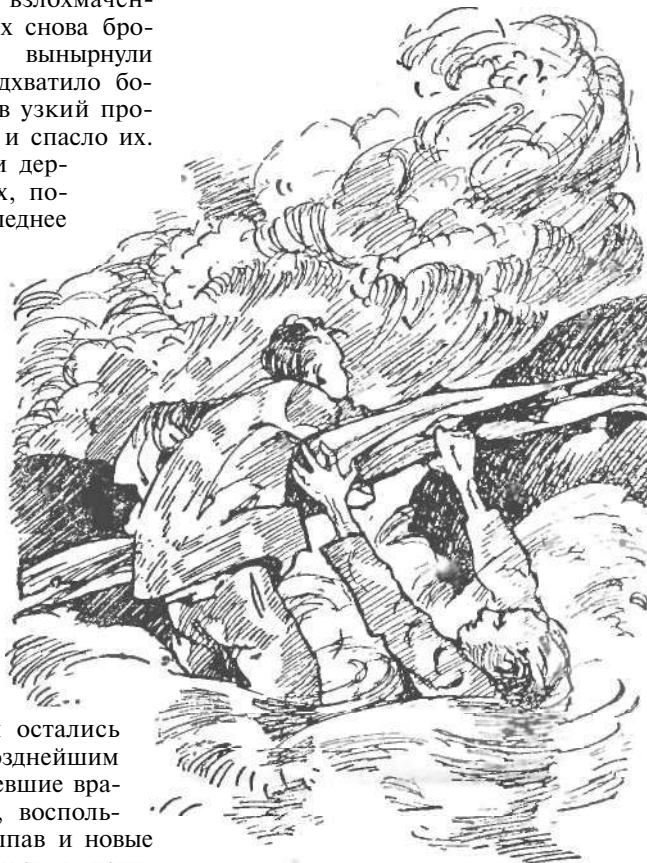
С валов польской крепости Коваленко показал мне курганы, которые цепью уходили на юг. Еще от седой скифской древности остались эти могилы в наследие позднейшим народам. Запорожцы, имевшие врагов «и спереди и сзади», воспользовались курганами, насыпав и новые там, где не хватало звеньев в цепи. На этих холмах они оставляли свои сторожевые заставы, вооруженные... смоляными бочками. Едва в степях у моря появлялись полчища татар, как на ближайшем холме зажигали бочку. По этому сигналу на каждом соседнем кургане делали то же, и по цепи весть о нашествии врагов молниеносно передавалась в становища запорожцев. Таков был этот первобытный телеграф.

Сечь была заветным местом каждого козака, ушедшего на «низ» от панского и русского гнета. Эти «уходчики» вырубали в неприступных местах за порогами лесные заросли и на сечи строили крепость. Отсюда и название их лагеря — Запорожская Сечь.

Две с лишком сотни лет отделяют нас от эпохи этого романтического свободолюбия. Страна теперь ищет иного пафоса, иного освобождения, — на месте запорожских становищ она воздвигает индустриальный центр, но тут и там все еще мелькают остатки козацкой старины.

Когда мы возвращались в Лоцманскую Каменку, навстречу нам вытянулся по Днепру праздничный карнавал. Десятки «дубов» и лодок, разубранных зеленью, представляли со-

бой пловучие острова. В тени березок расположилась молодежь в красочных, по старинному образцу расшитых костюмах. Вся флотилия медленно подплыла к острову Москов-

Обломок, за который они держались, застрял в камнях поперек струи.

скому, и там, на фоне зелени, под бубен и гармонику закружился яркий разноцветный круг. На обратном пути девушки затянули козацкую песню.

III

Новый ход. — Весна в ноябре. — Лохань. — Следы весеннего разгрома. — Богатырский спор.

На другой день, часов в пять утра мы вышли на берег Днепра с дорожными сумками. Путь через пороги нам предстояло совершить не в «дубе», а в обыкновенном рыбацьем челне метров шести длиной. Кстати о «дубах». «Дубами» здесь называют большие челны, поднимающие от пятнадцати до пятидесяти человек, но в них ни одного бруска нет дубового, и название свое они сохранили по традиции от глубокой древности, когда в употреблении был челн-однодеревка — «кавдуб», то-есть выдолбленный из дубового ствола.

Мы отправились вчетвером: Заславский, я и оба Коваленко. Старик-лоцман был молчалив и озабочен. Он знал, что Днепр шутить не любит, и

потому еще раз тщательно осмотрел наш крепко сбитый челнок.

Наконец сборы были окончены. Лодку сдвинули с берегового песка. Лощман сел на заднее весло и крикнул сыну:

— А ну, мостысь, мостысь! — и тот впрыгнул в лодку.

Быстро промелькнули знакомые места. Мы приближались к Кайдацкому порогу. Мы не знали, где поедem. Спросить было неловко. А в памяти вставали взлохмаченные валы, которые прыгали по Козацкому ходу. Через минуту выяснилось, что Коваленко направил лодку в Новый ход.

Этот ход построен в первой половине прошлого столетия. Он совершеннее Фалеевского, потому что проходит или посреди реки или около ее фарватера с левой стороны. Новый ход представляет собою канал метров пятнадцати-двадцати в ширину, с прочищенным руслом и каменными дамбами по бокам, которые защищают его от волнобоя. Если взглянуть на огромные тесанные плиты, которыми облицованы дамбы, если представить себе многотонные камни, которые поднимались и удалялись со дна Днепра, если, наконец, иметь в виду все несовершенство техники того времени, то работа действительно покажется циклопической. Не даром среди местных селян и до сих пор сохранились полубогатырские рассказы о нечеловеческих трудах, которые выпали на долю их дедов и прадедов. На постройку канала принудительно согнали тогда всех лощманов и крестьян приднепровских сел. Работа производилась главным образом человеческой силой. Люди не вылезали из воды. Десятками их уносила лихорадка и давило камнями. А к этому присоединялись и откровенные издевательства подрядчиков. Чтобы угодить «главнокомандующему путями сообщения и публичными зданиями» генерал-ад'ютанту Клейнмихелю, они производили работы до самой глубокой осени.

Рассказывают, например, о таком случае. Однажды, в ноябре, когда малые речки уже сковало льдом и Днепр оброс крепкими закраинами, люди взмолились: невозможно-де лезть в воду, тело коченеет, и холод надолго залезает нам в кости. Подрядчики ухмыльнулись и пошептались между собой. На другое утро крестьяне были удивлены новым зрелищем: под одним из огромных камней был разложен костер. Когда камень накалился докрасна, на него накинута цепь; раздалась команда:

— Тяни! Раз, два — о-ох!

После тяжелой натуги камень столкнули в Днепр. Взрыв пара и кас-

кад воды обдали ближайших людей. И тут же пронеслась новая команда:

— Марш в воду! Теперь в реке как в самоваре! Ха-ха!..

А когда и тут нашлись строптивые, то из соседнего дубняка показались солдаты. Они выстроились и щелкнули курками. Вмиг на берегу не осталось ни одного человека, все нетерпеливо бросилось в воду, как разгоряченные купальщики. Так в угоду генерал-ад'ютанту на Днепре началась весна в неурочное время. Если бы какой-нибудь художник творческим оком увидел, а потом запечатлел в красках эту сцену на суровом фоне оледенелого порога, то картина, думается, вышла бы потрясающей и крайне поучительной для грядущих поколений, которые не будут знать ни Днепровских порогов, ни режима Романовых.

Едва мы приблизились к воротам канала, как стремительная струя подхватила и увлекла нас в каменный коридор, налитый водой. Мы понеслись с быстротой моторной лодки. Кое-где отчетливо чувствовалось, что поверхность воды понижается, тут в беспорядке прыгали волны, и казалось, что они размозжат наш челнок о каменную стену. Но старый Коваленко правил лихо. Иногда он делал едва, уловимые зигзаги, будто лавировал между волнами, а в некоторых местах смело пересекал водяные бугры — и тогда к нам в лодку летели гневные брызги. Минуты через три-четыре мы как на крыльях вылетели из канала. Кайдацкий порог остался позади.

Днепр, словно расправляя усталые члены, разметнулся здесь километра на два в ширину.

Утро было солнечно играющее. То тут, то там над поверхности реки поднимались острова и камни. Иногда в стороне шумели «заборы», словно досадуя, что не могли перегордить реки от берега до берега. Часто воду пучило из глубины, будто невидимая рука толкала ее снизу, и струи с шипением расходились кругами и морщинами. Солнце разогнало над рекой последние клочки тумана, и навстречу ему весело и опрятно зарумянились черепичные крыши немецкой колонии Ямбург. С левого берега далеко несло по воде терпеливое и просительное:

— Давай паро-о-ом!

Мы и не заметили, как подошли к Сурскому порогу, который получил свое название от реки Суры, впадающей в Днепр с правой стороны. Этот порог опасен засадами из камней перед входом в канал, но сам не велик и не страшен. Гораздо интереснее его следующий — Лоханский порог, расположенный километром ниже. Здесь на протяжении каких-нибудь трехсот метров уровень воды падает больше чем на полтора метра. Течение становится бешеным и достигает двадцати километров в час. Канал тут пролегает посреди Днепра. Мы в минуту проскочили его. В конце канала Коваленко круто повернул лодку и причалил к песчаной косе, которой кончалась левая дамба. Мы высадились на девственный песок, по которому тянулись отчетливые цепочки птичьих следов. По ту сторону горба открылась чудовищная водяная «лохань»,

Ущелье у порога Лоханского.

от которой и получил название порога. Струя, делая до шести метров в секунду, срывается с огромного подводного камня, но очевидно попав на новую преграду, взлетает вверх и растягивается длинным трепещущим языком, — в месте падения и образуется круглая водяная яма метра в полтора глубины, напоминающая лохань. И дальше, до самого берега — сплошная прыгающая пена. Привычный Коваленко и тот, глядя на вздыбленную реку, пробурчал себе в усы:

— Так забурует, що кулаками воду месить будешь, — и, махнув рукой, повернул к лодке.

Невдалеке от Лоханекого порога путь преграждала Стрильча забора; пройти можно было или под самым левым берегом, или через Ушелье, образуемое высоким правым берегом и Стрильчей скалой. Мы выбрали последний путь, сделав высадку около Ушелья.

Стрильча скала спереди представляет собой голый гранитный утес, а сзади — низкую наносную косу, на которой зеленеет рощица осока. Остров этот существует с незапамятных времен, потому что на нем открыта стоянка каменного века. И сейчас там можно видеть ямки и углубления — следы раскопок не только ученых, но и кладоискателей. Скала отделяется от берега бурным протоком, разветвляющимся на два рукава. На обоих стояли мельницы, но после весеннего ледохода от них остались развороченные кучи камня, куски железных осей, жернова и бревна, переломленные словно спички. Соседние деревья, как ураганом, скрючены и пригнуты к земле. Трудно себе представить, что здесь делалось во время ледохода.

При проходе через Ушелье надо держаться левого рукава. Здесь есть подводная ступень. Мы скатились с водяной горки с такими же ощущениями, какие бывают у лыжника, когда он в сумерках соскользнет в незамеченную впадину. А дальше опять заборы, рифы, камни. У каждого свое имя, своя история. Ни один не укрылся от зорких глаз лоцманов, потому что каждый грозит аварией и гибелью. Много лоцманских имен запечатлелось на этих камнях, — все эти Музики, Пурисы, Халывы, Клобуки вложили свою несчастную долю в дело изучения днепровского фарватера. Некоторые камни получили названия по сходству их очертаний с различными животными и предметами (Кулики, Кобыла, Куроуки, Бочка). Острова в большинстве случаев называются по характеру породы, из которой они

состоят (Каменоватый, Склеюватый, Песковатый), или по преобладающей растительности (Дубовый, Виноградный, Муравый). Немало камней, которые своей формой или расположением толкнули народную фантазию на творчество, — таков ниже остров Перун, таковы Богатыри, которые лежат вскоре за Стрильчей заборой.

Богатыри встают двумя огромными камнями. Большой из них лежит на левом берегу, а меньший торчит из воды метрах в пятидесяти от правого. С этими камнями связана наивная легенда, по-своему объясняющая вопрос о расселении народов в Южных степях. Сошлись как-то два богатыря — украинец и татарин и заспорили, кому владеть приднепров-

скими землями. Долго кричали они через Днепр, наконец уговорились бросать камни: кто перебросит через реку, тому и перейдут все земли. Украинец бросал с правого берега. Он поднял камень с хату и легко перебросил его на левый берег. Тогда начал бросать татарин. И хотя камень у него был значительно меньше, но он не перебросил его, — камень упал далеко от правого берега. После этого и пришлось татарскому богатырю уйти со своим народом в Крым, а по Днепру поселились украинцы.

Так просто и поэтически в народном уме разрешаются исторические проблемы, которые поставлены далекими суровыми веками.

== ИЗ-ЗА МАСЛА ==

Рассказ Джона Бимса

Рисунки худ. П. Староносова

— Куда, чорт возьми, запропастилось мое масло? — ворчал Росс Галвей.

— А зачем тебе масло? — спокойно сказал Пайп. — У тебя всегда на уме разные прихоти.

— Какая же это прихоть, если я вырос на ферме, где было не меньше десятка коров, которых доили три раза в сутки? И каждый день я мог съесть хоть полкило масла.

— А какая нелегкая заставила тебя бросить ферму? — спросил Пайп, надеясь перевести разговор на другие рельсы. — Няньчился бы с коровами да поил бы с ложки поросят. Здешний край не для тебя.

— Не заговаривай Мне зубы! — сказал Галвей. — Я спрашиваю тебя, куда девалось мое масло? Вот этот кувшин почти до половины был полон на прошлой неделе, а я отлично помню, что не прикасался к нему. Признавайся, ты его слопал?

— Я вообще не ем сливочного масла, — возразил Пайп. — Какое до него дело такому лесовику как я!

— А какое тебе дело до табаку? — спросил Галвей. — Ведь и табак подобно маслу не растет на кустарнике.

— Табак — это иная статья.

— Точно такая же, — настаивал на своем Галвей. — Я не курю табаку, а ты не ешь масла. И все-таки, что ты с ним сделал?

— Ну, если ты непременно хочешь знать, — неохотно протянул Пайп, — то мне нужно было смазать капканы.

Галвей с минуту оставался безгласным.

— И это ты моим хорошим маслом сматывал свои капканы? — спросил он наконец сдавленным голосом.

— Да ведь нужно же было как-нибудь использовать твоё прогорклое масло, которое даже вонять начало, — заявил Пайп. — Хорошо, что хоть на смазку пригодилось.

— Ты извел прекрасное свежее масло, — взволнованно сказал Галвей. Оно прогоркло не больше меня самого. Лучше масла я никогда еще не ел. А ты извел его на свои грязные капканы. Отлично! Теперь ты наверно знаешь, что я о тебе думаю...

Он решительно повернулся спиной к товарищу и принялся осматривать свои капканы, гонор, мешок и винтовку. Потом, не сказав ни слова, он вышел из хижины и исчез в хлопьях падавшего снега.

Пайп чувствовал себя виноватым. Он не понимал пристрастия Галвея к коровьему маслу, которое на севере считается роскошью, но видел, что глубоко огорчил товарища. «Ну, — утешал он себя, — обойдется и без масла. Невелика беда».

Однако отсутствие любимой еды резко сказалось на характере Галвея. Обычно живой, веселый и добродушный, он сделался теперь угрюмым и раздражительным; Пошатнулось даже его здоровье, и он мрачно заявлял иногда, что едва ли дотянет до весны. Галвей больше не поднимал разговора о масле, но между товарищами установились сдержанно холодные отношения, особенно мучительные для людей, чьих судьба заставляла долго жить вдвоем.

Пайп не очень строго себя винил. Не так уже много взял он масла на свои капканы, да и горшок все равно скоро бы опорожнился. Но тут он вспомнил, сколько трупов и лише-

ний им пришлось перенести вместе и каким верным товарищем был всегда Галвей. Эти мысли так мучили Пайпа, что он не мог выносить молчаливого упрека в глазах товарища.

Однажды утром Пайп не пошел как обычно осматривать свои капканы, но быстро зашагал в южном направлении. Снег был еще не глубок и не затруднял ходьбу. Первым серьезным препятствием на его пути оказалась река Киттин, которая пенилась в скалистых, покрытых снегом берегах, похожая на серого рычащего зверя.

Пайп нашел место, где упавшее дерево могло послужить мостом через

две неуклюжих бревенчатых построй- ки с покривившимися окнами. В морозном воздухе стоял густой коровий запах. Четыре пса с громким лаем возвестили о появлении незнакомца. Пни окружили Пайпа, оскалив клыки и явно намереваясь разорвать его на части, но в это время показался фермер и отогнал их от пришельца.

— Входите, — сказал он приветливо. — Рад вашему приходу. Жена как раз накрывает на стол, а вы должны быть изрядно изголодались.

Женщина с бледным морщинистым лицом слабо улыбнулась, протягивая Пайпу руку.

— Не заговаривай мне зубы, — сказал Галвей. — Куда девалось мое масло?

бурную речку. Отыскал тонкое деревцо, срезал его, обрубил сучья и, пользуясь им как шестом, осторожно перешел по стволу на ту сторону. Вскоре он вышел на болотистую равнину, заспанную глубоким рыхлым снегом. Майи с трудом передвигал ноги. Когда стемнело, он расположился на ночлег. Выкопал себе в снегу ямку и отлично выпался. Еще задолго до того, как занялась заря, он был уже на ногах.

Все утро и весь день он упорно продвигался к югу через леса и замерзшие болота. Около трех часов дня, когда бледное солнце близилось к закату, он оставил за собой лес и вышел на безбрежную равнину. Вскоре он набрел на тропу, которая и привела его в сумерках к небольшой ферме: у самого края поля стояли

— Присаживайтесь, — ласково сказала она. — Поужинайте с нами.

Единственная комната была полна детей, которые широко открытыми глазами уставились на гостя. Однако ему никто не задавал вопросов. Таков уж этикет на севере. Вас ни о чем не спрашивают, но ждут, что вы сами назовете себя и скажете, откуда пришли и зачем.

— Я Франк Пайп и живу вместе с моим товарищем Галвеем к северу от реки Киттин, — заявил гость. — А пришел я к вам за сливочным маслом.

Хозяин в ответ молча кивнул головой: о делах будет еще время поговорить после ужина — таково другое правило севера.

— Меня зовут Морт Уайт, — сказал он в свою очередь, — а это моя жена. Дети же... вот Салли, вот Рос-рам, Патси, Оливия и Минни. Же-

ральда в люльке. Так назвала ее мать, она хитра на имена.

И он начал пространно говорить о возрасте своих ребят, об их способностях и наклонностях. Пайп вежливо выслушивал все эти длительные характеристики, сочувствующе мыча. Наконец подали ужин. На столе красовалась целая груда свинины с картошкой и репой, сливочное масло, хлеб и чай. В честь гостя было подано и блюдо с черникой, которая вызвала у ребят радостные восклицания.

— Захлопните свои рты! — рассердился Уайт. — А ты, Патси, не лезь ложкой и общее блюдо. Что у вас за манеры! Никак не могу научить их вежливости, — продолжал он. — Но в один прекрасный день я таки возьмусь за них и угощу их так, как меня угощал когда-то ремнем мой отец.

А затем последовали различные воспоминания из его детства.

После сытной еды гость вытащил из кармана трубку и кисет с табаком. Заметив жадный блеск в глазах Уайта, он молча подвинул к нему кисет.

— Мистер Пайп, — горячо сказал хозяин, — вы прямо мой благодетель! Я уже месяц не имею табак, а все эти чайные и другие листья вызывают в человеке одно раздражение.

— Ну, а как насчет масла? — осведомился Пайп.

Послышался тяжелый вздох хозяйки.

— Ребята у меня просто истребляют масло, — сказала она. — А у меня всего две коровы. Все же я уделю вам граммов четыреста.

— Нет, я хочу купить масло, — сказал Пайп. — А расплачусь за него шкурками мускусных крыс. И нужно мне четыре кило.

Миссис Уайт с сожалением покачала головой.

— Быть может вы достанете у Моклея.

— А где он живет?

— В десяти километрах отсюда, — сказал фермер. — Но и у них только две коровы. Другие же мои соседи Близы живут отсюда и четырнадцать километров.

— Я прошел уже около семидесяти километров. — заявил Пайп, — и хочу вернуться домой завтра к ночи. Я не могу дольше оставить без осмотра свои капканы. За четыреста граммов масла я согласен дать целую шкурку.

Миссис Уайт нерешительно перевела глаза на детей, явно борясь с материнским инстинктом.

— Вот что, — решительно отрезал хозяин. — Мы отпустим вам два кило масла за три шкурки и за пачку табаку, что у вас в кисете. Шкурки пойдут жене, а табак — мне. Идет?

— Я предпочел бы отдать за масло пять шкурок, — сказал Пайп.

Уайт упрямо замотал головой.

— Нет, неизвестно еще, когда я добуду табак. А без него, вы сами знаете, ложись да помирай.

— Ладно, — осклабившись, согласился Пайп. — Только я возьму горсточку на обратную дорогу.

И под жадным взглядом хозяина он вынул весь табак из кисета, положив обратно в него небольшую щепоть. Миссис Уайт передала ему большой кусок соленого масла и получила три шкурки.

— Сегодня вы переночуете у нас, — сказал хозяин. — Поспеете еще домой.

— Нет, нужно двигаться, — возразил Пайп. — Мне предстоит ведь дальняя дорога.

— Заходите к нам, когда коровы начнут доиться, — сказала хозяйка. — Мы с удовольствием дадим вам еще масла.

* * *

В морозную безоблачную ночь, при ярко мерцавших звездах спешил к своей хижине Пайп. Он оставил уже за собой около пятнадцати километров, когда почувствовал, что выбивается из сил, и решил развести костер и отдохнуть часов пять-шесть. Наутро он зашагал дальше. Благополучно перебравшись по бревну через речку Киттин, он быстро приближался к дому, думая о том, как удивится Росс, когда увидит добрый кусок сливочного масла.

«Плохо лишь то, — думал он, — что я отдал Уайту мой последний табак. Когда-то я его еще раздобуду! Но делать нечего: Росс прямо извелся из-за масла, и мне; его товарищу, следовало помочь ему во что бы то ни стало».

Пайпу оставалось пройти до дому сего километр, когда он провалился по пояс в небольшое болотце, обманчиво затянутое тонким ледяным покровом. Он был так близко от своей хижины, что решил не разводить огня для просушки одежды. Вылез из ямы и, ругаясь, побежал рысцой. Скоро штаны его подернулись ледяной коркой и начали потрескивать при каждом движении. Зубы отбивали дробь, а в оцепенелые ноги словно впились иголки.

Когда же он добежал до бревенчатой хижины, то издали еще увидел,

что товарища не было дома. Из трубы не валил дым, а на свежем снегу у порога не видно было отпечатков ног. Он вошел в хижину словно в ледяную могилу: все занавески и потолок подернулись инеем. Но Пайпу некогда было предаваться размышлениям о причинах такого жуткого запустения. Еле двигая одеревяненными пальцами, он затопил печку. Сначала она загорелась, словно усталый пес, но затем стала быстро покрываться красными пятнами, которые с каждой минутой увеличивались в объеме.

Теперь только мог начать Пайп ожесточенную борьбу с ледяными доспехами на своем теле. А когда освободился от них, то увидел, что отморозил себе пятку и несколько пальцев на обеих ногах. Он набрал в таз снегу и принялся им растирать обмерзшие места. А потом дико зарычал и, отбросив ногой таз, начал в неопишущей пляске носиться по комнате. По щекам его от невыносимой боли катились слезы. Наконец в полном изнеможении он упал на свою койку и начал усиленно смазывать отмороженные распухшие ноги тем

пути. И не удивительно. Когда буран начнет вздымать и кутить в воздухе сухой колющий снег, даже опытный северный зверолов часто принимает хорошо известные места за неведомые уголки.

Пайп провел беспокойную ночь, а когда проснулся, то услышал все то же завывание метели. Он все еще чувствовал, что ноги у него словно ошпарены, тем не менее обмотал их тряпками, надел шерстяные чулки и мокасины и отправился на поиски своего друга.

Снег перестал густо валить, но холодный резкий ветер резал лицо, и все предметы в сером воздухе словно расплывались и меняли свой облик. «Нечего сказать, погодка! — беспокоился Пайп. — Но, как мне узнать, где его сейчас носит. Дойду все-таки до плешивой горы у озера, хотя едва ли удастся что-либо разглядеть оттуда».

Как только он вышел из леса, резкий ветер заставил его нагнуть голову и вызвал на глазах слезы. Пайп однако не сдавался и почти ползком взобрался на вершину небольшой го-

Пайп издали еще увидел, что товарища не было дома.

самым маслом, которое так дорого ему обошлось.

В полдень поднялась метель, и он слышал, как завывал ветер в окружающих хижину деревьях. Боль в ногах тем временем несколько утихла, и он все чаще задумывался о своем товарище. У Галве был серьезный недостаток: в бурную погоду, когда заносило все тропинки и срывало поставленные вехи, он легко сбивался с

ры, чтобы оттуда оглядеть окрестность. По равнине носился ветер, подхватывая и крутя тучи падающего снега. Вдруг одна из снежных завес несколько поредела, и Пайп увидел небольшую фигуру, с трудом пробиравшуюся в северном направлении.

«Это Росс, — решил Пайп. — Уверен, что он не считает себя заблудившимся. Готов биться об заклад, что в этом направлении он думает добраться до нашей хижины, а на самом деле рискует попасть на Северный полюс. Нужно догнать и остановить его».

Он поплелся наперерез путнику и вскоре убедился, что это действительно был Галвей.

— Алло, старина! Куда ты направляешься? — спросил он с усмешкой.

Галвей нахмурился.

— Домой, куда же мне еще направляться, чорт возьми!

— Видно ты построил себе новую хижину, — сказал, усмехаясь, Пайп. — Старую во всяком случае ты уже прошел. Я нарочно отправился искать тебя.

— Кто просил тебя об этом? — сердито оборвал его Росс.

Обрадованный встречей с другом, Пайп решил не обращать внимания на его резкости.

— Ладно, поворачивай обратно, — мягко сказал он. — Пора и пожевать чего-нибудь горячего.

— Кой чорт заставил тебя вылезать в такую погоду? — ворчал Галвей, следуя за Пайпом. — Лежал бы себе в тепле, под крышей. Когда я вернулся нынче утром в своей яме, меня прямо-таки занесло снегом, а когда выбрался из ямы, то не мог даже руки своей рассмотреть.

— А где ты был все это время? — спросил Пайп.

— Я расскажу тебе, когда доберусь до дома, — буркнул Галвей.

Пайп был озадачен, но благоразумно воздержался от дальнейших расспросов. Молча довел он приятеля до хижины, молча изжарил кусок оленины, вскипятит чай и принес большой кусок масла, положив его на тарелку. Галвей, сгорбившись и опустив голову на руки, сидел у печки. Вид у него был крайне измученный.

— Ну, садись за стол, — тихо пригласил Пайп.

Галвей медленно поднял голову, и глаза его вдруг расширились.

— Где ты достал масло? — живо спросил он. — Ты что же, спрятал его от меня?

Пайп покачал головой.

— Нет, дружище. Я слетал за ним к поселенцам, там, в южной стороне.

На лице Галвея появилось выражение смущения. Он наклонился и принялся развязывать дорожный мешок, чтобы извлечь оттуда какой-то пакет.

— Знаешь, где я пропадал эти пять дней?

— Как будто начинаю догадываться, — отвечал с кривой улыбкой Пайп.

— Здесь пять кило масла. Добыл его у шведа, что живет к югу от озера. Дорого оно мне досталось. Чуть не провалился с головой в проклятое озеро. Попал в полынью. А потом еще этот свирепый буран... А как у тебя дела с табаком?

— Весь вышел, — мрачно ответил Пайп, с грустью думая о том, как он пожертвовал своим последним табачком для масла, которое оказалось ненужным.

Галвей выложил на стол еще один небольшой сверток.

— У них нашелся также и табак. Я захватил пачку.

Пайп схватил с койки подушку и запустил ею в своего друга. Галвей вскочил и набросился на Пайпа. Так носились они по всей хижине, боролись, возились и наконец в полном изнеможении уселись за стол и с веселым смехом принялись за еду, радуясь своей дружбе.

ПО ГОРАМ И ЛЕСАМ ВАЛДАЙСКИМ

Очерк С. Будинова

Рисунки худ. В. Щеглова

I

Дядя Петр, мой родственник. — Путанная дорога. — Каменный посев. — «Собачья Матка» и пятьдесят младенцев.

Надо уметь видеть. Можно просидеть с человеком в вагоне целый день, негодовать на его слишком длинные ноги, не помещающиеся на полке, возмущаться его манерой говорить скучным монотонным голосом о ценах на хлеб — и не знать, что с этим человеком придется прожить целый месяц и что он, этот крестьянин, бывалый человек. Мечта О новых землях погнала дядю Петра на восток. Он попал на Камчатку. Оттуда, спасаясь от голода и белого безмолвия, повез в Петропавловск свою десятилетнюю дочь зимой на санях. В дороге пришлось с'есть всех упряжных собак и пройти семьсот километров на лыжах до ближайшей фактории. Но это относится к прошлому. В настоящем дядя Петр — крестьянин и охотник.

На станции Бологое, Октябрьской железной дороги, я с дядей Петром пересели на поезд, идущий на Псков через Старую Руссу. В восемь часов утра мы приехали в город Валдай. Оба мы вышли и тут, на станции, познакомились, при чем оказалось, что мы дальние родственники.

Валдай — город маленький. Пока проезжали по его кривым улицам, все время видели стоящую на возвышенности церковь и кусочки озера. Поднялись на гору. Валдайское озеро раскинулось перед нами во всей своей красе. Не особенно широкое, оно очень извилисто и тянется километром на двадцать пять. Против Валдая, на острове, стоит знамени-

тый Иверский монастырь. Когда-то кружки в рост человека, поставленные у монастырских ворот, текли медные гроши богомольцев. Теперь в монастыре — совхоз.

Путь шел вдоль озера, уходя немного в сторону и опять возвращаясь

— Места у нас путанные, — говорил дядя Петр, тыча кнутовищем в леса и холмы. — С горы да под гору. Прямоком никак не проедешь.

Станки остались позади. Спустились вниз. Вдруг вижу налево деревню.

— А это что за деревня?

— Эва! — удивился дядя Петр. — Да Станки ж.

Хорошо. Едем дальше. Дорога делает замысловатые петли. Впереди видна деревенька на берегу озера.

— А это какая?

— Эва! — хлопает себя по сапогам кнутовищем дядя Петр в восторге от моей несообразительности. — Да опять Станки.

В четвертый раз я увидел эти же самые Станки уже правее. Но не спросил, так как узнал деревню. Действительно, дорога очень путанная. Ее надо было прокладывать, обходя болота и овраги.

Железные шины колес скрежетали по камням. Камни валялись в лесу и лежали на полях иногда в таком количестве, что невольно возникал вопрос: что здесь посеяно — камни или рожь? Убрать их все невозможно — плуг вынесет на поверхность новые миллионы голышей. Крупные камни вывозятся с полей, погружаются в вагоны и отправляются в города.

Дорога шла то вверх, то вниз в частом, но мелком лесу. Между ство-

лами сосен то и дело мелькали ясные глади озер. В некоторых местах дорога шла по болоту. Телега медленной черепахой ползла по качающимся бревнам. Между ними выступала вода. Почти каждый год приводится крестьянам рубить новые деревья и класть на дорогу. Болото засасывает настил.

Наконец приехали и деревню Борисово. Здесь жил дядя Петр. В деревне сорок дворов. У каждого крестьянина две избы: летняя и зимняя, стоящие рядом и соединенные общими сенями. Разница между ними только в том, что в летней избе на одно окно больше, чем в зимней. Я не понимал, зачем два раза в год переселяться из помещения в помещение, перенося утварь и кадки с кислой капустой. Но потом нашел объяснение: поочередно то в той, то в другой избе за зиму и за лето пропадают тараканы и другая нечисть.

Обедали мы в летней избе. Меня посадили под образа. Положили на колена «рушник». Угостили неизменным квасом с солеными огурцами. Навалили на стол «кокорок» (вид ватрушек), подали в глиняных плошках «прасолипу» — так называют здесь пшеничную кашу — и «сульчину» — сухие блины, смазанные гречневой кашей. Их надо было сворачивать трубочкой и макать в масло, смешанное с яйцом. Очень трудно донести до рта такой блин. Хлебали все из одной чашки, важно и медленно, кладя ложку после каждого глотка на стол обязательно горбом вверх.

К концу обеда пришла, опираясь на две палки, «Собачья Матка». Это была совершенно лысая, но со всеми зубами старуха, с остановившимся взглядом. Ей было больше ста лет. Когда-то ее звали теткой Аленой. Старуху эту почему-то очень любят бродячие собаки и бегают за ней целыми сворами. Она выжила из ума.

— Сейчас она перекрестится, — сказал сын дяди Петра, маленький, всегда ухмыляющийся парень.

«Собачья Матка» перекрестилась.

— Сейчас она попросит хлеба, — предсказал он и продолжал предугадывать все ее действия. На традиционную обидную фразу она откликнулась традиционной прибауткой. Мне стало от этого немного страшно. «Собачья Мяска» показала мне символом устоявшегося болота, тихого и засасывающего.

— Родные есть у нее? — спросил я.

— Есть. Четыре сына. Им всем, почитай, по восьмидесяти лет. Но она не живет с ними.

— Ну, может внуки есть?

— Есть. Шесть внуков. На хутора расселились. Тоже семейные, лет по шестидесяти. И с ними не хочет жить.

— А кто еще есть?

— Да у ней в каждой деревне родня. И все подолгу живут, как и она. У нее одних правнуков девятнадцать человек, и у всех сыновья поженились.

У меня волосы зашевелились на затылке. У «Собачьей Матки» пять поколений! Я подсчитал в уме. Если б она жила в одной и той же избе и если бы никто из сыновей и внуков не отделялся, ей вместо одного двух внучат пришлось бы нянчить не больше не меньше как пятьдесят пра-пра-правнуков зараз.

Ночью мне снились эти младенцы в избе размером в Колонный зал Дома Союзов, ползающие и гукающие...

— Места у нас путанные, — говорил дядя Петр, тыча кнутовищем в леса в холмы

И

Мы ищем лошадь. — Пила и человеческое ухо. — Погоня. — Я еду по-всякому. — Бомба из рукомойника. — Серафимова овца. — Медвежья мерка. — Труп в муравьиной куче.

Утром я пошел с дядей Петром за лошадью. Он выпустил ее в поле. Её надо было поймать. Мне казалось немного странным, как это он найдет лошадь, которая за ночь могла уйти очень далеко. Дядя Петр посмеивался в свою черную остроконечную бороду. Мы шли по лесу. Я рвал по дороге ягоды — бруснику, чернику и гонобобель. Дядя Петр взбирался па холмы и слушал. «Что он может услышать?» — думал я. И увидеть ничего нельзя: солнце еще не взошло, а в полях и низинах распластался молочно белый туман.

Я вижу дядя Петр начинаем беспокоиться. Мы ходим что-то очень долго, по крайней мере час. На вершинах холмов нога погружается в мох. След заполняется водой. На некоторые холмы нельзя всходить. Они представляют собой болота! Все вверх ногами в этой местности: и пади, где должна быть вода — песок, камень и совершенно сухо, а на холме — топь.

Лес был большой и старый. Выпархивали куропатки и тетерева. Дядя Петр шел, читая землю как книгу: здесь прошел заяц, здесь был барсук. Но вот дядя Петр останавливается и весь превращается в слух. Однако я ничего не слышу. Потом оборачивается ко мне и делает знак рукой: молчи. Глаза у него совсем круглые, и руки сжал в кулаки. Теперь услышал и я: звякнул колокольчик.

В Валдайской области скоту подвешивают колокольчики. Их делают из отрезков пилы, которые сгибают и обливают медью местные кузнецы. Звук получается протяжный и чистый. Каждый крестьянин знает звук своего колокольца. Здесь спрашивают: «Не слышал ли, где моя буренка?» Дядя Петр по звуку колокольчика может сказать все, что делает скотина.

Мы стоим и слушаем. Я больше ничего не разбираю, а у дяди Петра глаза наливаются кровью.

— Лошадь крадут, — шепчет он.

В деревню надо — за другой, а то угонят. Это цыгане, что пришли вчера. Вот провалиться мне на этом месте — крадут!

Я узнал потом, что дядя Петр понял по звукам и паузам, что к лошади подкрадывались, что она пу-

галась именно человека, а не зверя, что ее поймали, зажали колокольчик рукой, что она мотнула головой, но нор колокольчика из рук не выпустил, что он испугался отдаленного стука колес и не теряя времени на отвязывание колокольчика, напихал в него травы, сел на лошадь и погнал ее. Все это услышал дядя Петр.

Через час па двух неоседланных лошадях, с одной берданкой мы мчались в погоню. По всем признакам вор ехал вдоль озера. Мы проскакали Новую деревню, затем, километра через три — Терехово. А потом пошли куралесить по таким лесам, чащам и оврагам, что я потерял направление.

Это была дико пересеченная местность. С вершины горы видны десятки других вершин, покрытых густым лесом. Блестели серебряными пятнами озера, темно зеленели заболоченные пространства. Казалось, Валдайская возвышенность пропитана водой как губка, толща атмосферы давит на эту губку, и вытекают из нее реки в разные стороны: на восток — Волга, на юг — Днепр, а на северо-запад — Западная Двина. Леса необъятны, коварны светлые лужайки — ступишь и провалишься, колыхнется травяной ковер, расступится и снова сомкнется. Не выплывешь, не крикнешь... Ходят по лесу красавцы «сохатые», грузно продираются медведи, зарываются в землю барсуки и легко карабкаются по деревьям куницы. В январе волки собираются на «свадьбу» по двадцать-тридцать штук. Если ходить по этим местам с опытным охотником, можно узнать жизнь и привычки многих зверей.

Я отстал от дяди Петра. Очень неудобно сидеть на голом хребте лошади. Увлеченный погоней, дядя Петр только махнул мне рукой, указывая направление, а сам поспекал дальше, соображаясь с какими-то ему одному известными приметами. Я ехал шагом, иногда садился на лошадь по-дамски, а один раз для разнообразия даже задом наперед. Хорошо, что лошадь попала спокойная.

Проезжая мимо речки Суховейки, неизвестно пешему так названной, я увидел на ее берегу странно согнутую человеческую фигуру. По длинному кнуту и берестяной трубе, лежащим недалеко на траве, я понял, что это пастух. Но что он сторожит, держа в руке глиняный горшок и напряженно всматриваясь в воду? Остановливаясь и жду.

Пастух застыл камнем. Потом вдруг садится на корточки и начина-

ет возиться с горшком. Через несколько минут он выпрямляется и бросает горшок в воду. К моему удивлению горшок глухо взрывается. Пастух входит и воду и начинает собирать всплывающих брюхом вверх рыб к торбу.

Я познакомился с пастухом. Его зовут Серафимом. Ему двадцать лет. Этим летом он вступил в профсоюз, а осенью достает путевку на рабфак в Ленинград. Пастушествует с четырнадцати лет.

Пастухи устраивают на холмах шалаши, спят в них весь день, изредка проводывая стадо. Но Серафим не спал, а жадно читал все, что попадалось под руку: куски газет, обрывки книг и учебников. А сейчас он ловит рыбу. В одной избе он выпросил старый рукомойник. Они делаются из глины в виде горшочка с двумя носиками и подвешиваются на веревке над кадкой. Чтобы умыться из такого сосуда, нужны ловкость и терпение. Серафим обматывал рукомойник лыком, напихивал и него негашеную известь и шел к реке. Заметив в воде стаю рыб или одну особенно большую, набирал и горшок воду и ждал. Известь вскипала. Серафим герметически закупоривал горшок. Когда рукомойник сильно нагревался, это означало, что ему время лопнуть. Тогда пастух бросал своеобразную бомбу в реку и глушил рыбу. Но это занятие довольно опасно. Рукомойник мог преждевременно взорваться в руках рыболова.

Серафим оказался страстным охотником. Места свои он любил, а о других слушал с тоской в глазах. Он не знает, что такое скука. Старая берданка — его верный товарищ. Берданка у него только три года. Раньше была шомполка, с которой он ходил зимой по лесам и горам. Но шомполка иногда шалила. Отсыреет порох, заохлодеет ствол, и охотнику приходится держать у плеча ружье, пока оно не соизволит выстрелить. А потом на морозе стягивать с рук «дьянки» (варежки) и заряжать шомполку не особенно приятно. С незаряженным ружьем ходить нельзя, того и гляди на зверя набредешь.

— А есть? — спросил я.

— Есть. Да из-за них у меня и шомполка пропала. Уж потом берданку приобрел.

Серафиму однажды захотелось пойти в заповедник, называемый здесь «заказником». Он расположен

«Собачья Матка»

близ станции Крестцы. Но с оружием туда вход запрещен. Пастух заявляет и совет о пропаже овцы, говорит, что она ушла в заказник, и просит разрешения пойти и него с ружьем. Без ружья оттуда не выйти: медведи и волки иногда любят полакомиться человеческой. Разрешение дали. Пошел он с собачкой-пиявочкой, с какими раньше ходили на охоту на медведей. Поймала эта собачка зайца. Серафим устроит сил:

сognул два молодых дельца, скрепил их петлей, подвесил бичовочные петли, замел свои следы, привязал зайчонка и ушел. На другое утро он увидел разогнутые дельца. В петле висела лисица. Тут же он из шомполки убил ползущих по дереву двух куниц. Но на этом же самом месте его поймал обездчик. Пришлось пожертвовать шомполкой и тремя месяцами свободы.

— Зачем же тебе в заказник надо было итти? Места мало, что ли?

— Да не мало, уж там гораздо много сразу зверей, и мало человека бояться.

— А что у тебя выговор какой странный? — спросил я Серафима. — Ты русский?

— Русский. Мы все здесь русские. А говор — так это от карелов.

В Валдайской области очень много карельских деревень. Карелы это финское племя, но они обрусели так, что их можно узнать только по интонации да по складу лица.

— А медведи и здесь ходят. Из деревни Нелюшки — вот здесь, недалеко — ушел мужик Савельев и пропал. Уже три дня ищут. Куда девался? Не иначе, медведь задрал. После войны их тьма развелось.

Пока я беседовал с Серафимом, подехал дядя Петр, ведя на поводу найденную лошадь. Вор ее бросил, испугавшись погони.

— А если бы ты вора увидел, как бы ты с ним справился?

Дядя Петр мрачно взглянул на меня. Я понял. Раньше конокрадов били всей деревней. Теперь, когда самосуды запрещены, крестьяне расправляются с ними один-на-один. Цыгана никто искать не станет...

— Ну, — говорит дядя Петр. — Видел Савельева из Нелюшки. Надо мужикам сказать. Похоронить надо.

И дядя Петр расскажи! все, что произошло с Савельевым, словно он был сам на его месте. Крестьянину пятьдесят лет. Застрявшая в колене

германская пуля мешала ему ходить. Он прихрамывал, и след получался неровный. Савельев пошел в лес надрать лыка для коробов и лаптей. Забрался он очень далеко. Навязав большую вязанку, присел на пенек отдохнуть и закусить. Но он успел с'есть только половину «корки». Из чащи вышел чем-то рассерженный медведь. Крестьянин попытался напугать его, размахивая сломленной еловой ветвью. Медведь встал на задние лапы. Он был зол. Только что он обнюхал на стволе сосны «мерку» своего врага-медведя и оставил в знак угрозы и презрения свою «мерку». Это бывает так: медведь прислоняется спиной к дереву, поднимает морду вверх и на уровне носа сдирает когтями кору. Получается нечто вроде вызова на драку других медведей: вот, мол, какой я большой и ничего не боюсь. Медведь шел на задних лапах и, помахивая передними, от чего ломались ветки и сучки, насел на крестьянина. Савельев ударил топором. Топор скользнул по черепу зверя. Лезвие снесло лишь кусочек медвежьей кожи. Зверь убил крестьянина одним ударом. Голова свернулась на сторону. Но медведь был сыт и потому зарыл про запас труп человека в громадную, построенную из хвоя муравьиную кучу.

— Муравьи об'едят его. Что же медведю-то останется?

— Нет, — качает головой дядя Петр. — Не с'едят. Перенесут муравейник в другое место, и все. А медведь, если вспомнит, придет, и то, по-

жалуй, не тронет. Он падал не ест. Этим летом медведи третьего в нашем округе загрызают: двух девок да этого мужика. Охотников мало... А лицо у Савельева гораздо неявно видно.

«Еще бы, — подумал я, а по спине пробежал холодок. — После медвежьей-то лапы...».

III

Я «сглазил» лампу. — Чудовищный аппетит. — Хозяйство в «голубище». — О цыганах. — Запыленные путники. — Разработка торфа. — Как пучилось озеро. — Капризы природы. — Когда река течет вспять.

Сегодня утром случилось два несчастия, ускорившие мой от'езд из Борисова. Рано утром, часа в два, жена дяди Петра, шестидесятилетняя старуха, приняв таракана на стене за гвоздь, повесила на него лампу. Лампа упала на пол. Этому виной был «сглаз». «Сглазил» я. Я с удивлением выслушал эту приятную для меня новость. Очень мило! В деревнях еще существует «сглаз». Это недалеко от железнодорожной линии, в районе, где производится коллективизация крестьянских хозяйств, где почти каждый мужчина побывал на каком-нибудь фронте! За неделю до моего приезда над деревней треугольником пролетело сразу восемнадцать аэропланов. И «сглаз»? А меня в таком случае кто «сглазил»? Пока я сидел на завалинке, подкраиваясь коза сперла лежавшую рядом со мной коробку с папиросами и с'ела все двадцать четыре штуки. Аппетит ко-

зы меня обидел. Папирос достать негде. Где-то там, в одной из деревень есть бабка Татьяна, торгующая всякой всячиной. Придется пойти сегодня же. С репутацией человека, способного «сглазить» не только живое существо, но и лампу, я ушел из Борисова. Мне хотелось обойти вокруг Валдайского озера.

Передо мной развевались дали. Я заметил с вершины одного особенно высокого холма, что озера и озерки имеют в большинстве случаев продолговатую форму — вытянуты с севера на юг. Пропитанная водой земля указывала на гранитную подпочву. Картина получалась приблизительно та же, что и в Финляндии, где под слоем почвы (иногда только в метр толщиной) находится каменный массив. Озера были разной величины. На некоторых имелись островки. Лес заполнил все пространство. Он немного отступал от деревень и опять смыкался за ними вечно шумящей темной сырой громадой. Росли на старых пнях древесные грибы, похожие на вросшие наполовину колокола; из Гниющих поваленных стволов берез выползали змеи, а в норки между корнями и в опавшие листья прятались ежи. В особенно глухих местах я примечал впереди себя деревья на случай встречи с косолапым мишкой. Смушала мысль, что он умеет великолепно лазить, но больше прятаться было негде. Ничего, авось отбрыкаюсь!

К полудню я подходил к селу Шуя. Навстречу шел человек. Несмотря на лето, на нем были «чуни» (валенки). На шесте, каким достают из колодцев воду, имеется крюк, за который цепляют ведро, называют его «гоговкой». Так вот на эту «готовку» и походил его нос, четырехугольный, прямой и длинный. Человек подпоясан веревкой, а за плечами — «голубница» — род кошолки, сплетенной из лыка и похожей на лапоть. Шел торопливо, согнувшись, словно обнюхивая дорогу. Со мной поздоровался. Я не заметил у него серпа или топора, следовательно он шел не на работу.

— Это куда идешь?

Незнакомец молчит.

— Где идешь?

— То-то, — отвечает он. — А то за кудыкал!.. В Валдай иду.

— А что несешь?

— Несу-то? Думаешь что — дом, да пару лошадей, да коровенку.

Я смотрю на него с сомнением. Нет, как будто нормальный, а говорит такую ерунду.

— Не смотри так. Думаешь, меня в пясть можно зажать, я сильный, —

На неоседланных лошадях, с одной берданкой мы мчались в погоню

продолжает балагурить встречный, вставляя по новгородской привычке кстати и некстати слово «думаешь». — Не шучу, мил человек. Охотник я: Четыре шкурки нес.

Крестьянин, прозванный за свой чудной нос «Гоговкой», больше охотничал чем крестьянствовал. Уходил в лес и ставил «железа», (капканы). Много надо знать, чтобы перехитрить зверя. Прежде чем ставить капканы, их очищают от ржавчины, варят в щелоке и смазывают жиром. Готовка ставил больше двадцати «желез» за раз. Но мечтой охотника были выдры. Они живут в воде. Нору делают под берегом с двумя выходами — на берег и под воду. Выдра никогда не выходит на берег прямо из воды, а из берегового хода. Человека чует издали и прячется. Из ружья ее было жалко бить и трудно. Расставляя капканы, выслеживая выдр, просиживая статуей целыми часами на берегу озер и рек, Готовка провел год. И за год с помощью собаки и палки с развилкой на конце добыл четыре бесценных шкурки. Только теперь я понял слова охотника: действительно в его «голубницу» вместились целое крестьянское хозяйство.

Готовка прощается со мной и уходит. Я иду дальше.

Как во всякой горной местности, везде видна забота о неизвестных запыленных путниках. У ключей и родников висят на сучках кустарников берестяные ковшики для питья. Кто-то складывал на тропу хвойные ветки, перекидывал через буераки деревья-мостики, устраивал настил на болотах.

На краю дороги я увидел человека. Он сидел и тщательно связывал вязанки хвороста мочалой. Рядом лежала груда готовых пучков. Оказывается, он готовил их, чтобы положить на тропу, где старые прошлогодние ветки ушли в почву. Человек шел издали и в эти места никогда не вернется, но он не мог видеть разрушенную непроходимую тропинку. Возможно, что за сотни километров отсюда другой странник связывает другие пучки хвороста, чтобы этот мог свободно пройти там по сухой дороге.

А дороги здесь требуют особенно бдительного надзора. В частности, из-за отсутствия хороших дорог здесь почти не развивается торфообра-

«Гоговка».

батывающая промышленность, а торфа много. Случайные изыскания указывали на мощные пласты толщиной в три метра. Возле станции Угловка, Октябрьской железной дороги, я видел землечерпалку. Странная высокая машина потихоньку пятилась назад. Бесперывно покачиваясь, спускались по особым шестам, издали похожим на нити основы, железные ковши-ножи. Машина пыхтела. Ножи спускались все ниже и ниже и вырезали из слоя торфа аккуратные квадраты. Торф подавался по бесконечной ленте в нутро землечерпалки и оттуда прямо на вагонетки, легкие как самоедские нарты, доставлявшие торф к кучам. Я долго смотрел, как машина, не торопясь, уверенно откусывала кусок за куском от черной земли, углубляя ров. Сотни тонн торфа лежат в земле, а сколько тысяч тонн, неизвестных, неучтенных, спрессовано на дне этих многочисленных тоней!

Ночуя в деревнях, шагая по дорогам, тропам, обходя озера, взбираясь на горы, достигающие иногда километра в высоту, забираясь в чашу, я пропутешествовал семь дней, видел десятки больших озер и сотни маленьких, безыменных, любовался лесом и в дождь, и в грозу, и в полдень, и в полночь.

В деревню Борисово вернулся усталый, но довольный.

Утром я пошел с дядей Петром на соседнее озеро.

По слухам, оно «пучилось», и мы хотели воочию в этом убедиться. Лежало оно в котловине. Берега заросли осокой и травой «гоговегой», из которой плетут цыновки. С ним делалось что-то непонятное: оно росло. За одну ночь вода поднялась приблизительно на метр. Я окинул взглядом котловину. Озеро будет продолжать пучиться, пока не найдет стока.

Дядя Петр рассказал о местных озерах любопытные вещи. Иногда подземный выход из озера закупо-

ривается, вода прибывает, и маленькое озеро неожиданно превращается в большое.

Бывают и обратные случаи: озеро исчезает в несколько дней. Природа не знает покоя — строит, воздвигает горы, наливает воду, проводит русла рек, но вот ей не нравится созданный ландшафт, и она его капризно изменяет. Порой она выделяет удивительные фокусы. Есть в районе деревни Борисово два озера. Из одного вытекает река шириной в три метра и впадает в другое. Вероятно у другого озера имеется подземный сток. Расположено оно ниже первого, в яме с крутыми боками. Иногда, большей частью весной, это второе озеро начинает взбухать и растет до тех пор, пока воды из него не начинают гнать речку назад. Река меняет течение и устремляется вспять.

Вода ходит в недрах земли, прорывает подземные русла, образует озера, выгрызает целые пещеры, просачивается, процеживается на поверхность. Жизнь земной коры не прекращается. Пласты почвы сдвигаются, сжимаются, и вода начинает искать новые русла. В Валдайской области наблюдались случаи выхода из земли подземных рек. Одна речка, которой еще не дано названия, появилась несколько лет назад километрах в десяти от Борисова на север, на поле, запаханном под яровые хлеба. Вода выбилась из земли фонтаном. Дня два бил гигантский ключ. Выпирались из земли старые корни, трава, камни, песок. Новая речка протекла километр и влилась в озеро. Со временем речка превратилась и

Из чаши вышел медведь.

ручей. Вода продолжает идти на убыль. Года через три и этот ручей исчезнет, и его русло снова превратится в распаханное поле...

Через неделю дядя Петр отвез меня в город Валдай. Жаль было рас-

ставаться с озерами, болотами и лесами. Телега маленьким жуком взбиралась на горку. Кружились вокруг нас хутора и деревеньки, появляясь то сзади, то спереди, а железные шины колес скрежетали по камням.

крик, уподоблявшие их легендарной птице Рок арабских сказок...».

Весьма вероятно, что именно эти существа или им подобные породили грозный образ крылатого дракона, свившего себе прочное гнездо в древних легендах и мифах всех пародов Земли.

Является научно установленным, что в эпоху резкого изменения климатических условий на Земле, повлекшего за собой исчезновение птеродактилей и других первобытных гигантов, некоторым из них удалось приспособиться к новым условиям среды, и таким образом они дожили до появления на Земле человека. Возможно, что в свое время джунгли Панамского перешейка дали приют этим представителям доисторической фауны. В таком случае древнее племя кокль естественно могло видеть уже вымирающих чудовищ и запечатлело их жуткий образ на предметах своей утвари.

== Кое-что о драконах ==

Огромный интерес и научном мире Запада вызвали раскопки, произведенные известным американским археологом, специалистом по индейским древностям, д-ром Верриль на Панамском перешейке, в провинции Кокль. Веррилем была

сцена стерло с лица земли почти все племя кокль. Уцелевшие индейцы бежали в девственные леса, бросив дымящиеся развалины своих городов. Ученые предполагают, что эта катастрофа произошла приблизительно за 500 лет до нашей эры.

Когда испанские завоеватели появились на Панамском перешейке, они обнаружили гробницы вождей племени кокль, найдя в них несметные сокровища в виде золотых украшений и утвари работы доисторических мастеров. Таким образом исчезли последние следы некогда богатейшей цветущей культуры.

Зарисовки, сделанные Веррилем с оригиналов, дают представление о своеобразной индейской керамике. На некоторых из них мы видим чудовища типа птеродактиля, на других — гигантских водяных ящеров типа мегозавра. Как известно, птеродактили обладали гигантскими крыльями длиной около 8 метров и зубастым клювом, достигавшим 1 1/2—2 метров. По строению они напоминали исполинскую летучую мышь; задние лапы были значительно короче передних. Некоторые разновидности птеродактилей достигали таких

Блюдо племени кокль с изображением зубастой птицы.

найденa любопытнейшая керамика, по всей вероятности принадлежащая древне-индейскому племени кокль. На ряде сосудов встречаем изображения зубастых птиц, в общих чертах напоминающих чудовищных крылатых ящеров третичного периода — птеродактилей. Возникает вопрос о том, не являются ли эти изображения пережившим тысячелетия воспоминанием о гигантских «драконах», которых еще могло застать первобытное человечество?

Д-р Верриль говорит о своих открытиях:

«Было бы, конечно, слишком смелым утверждать, что причудливые изображения на предметах утвари индейцев племени кокль воспроизводят именно птеродактилей. Однако не исключена возможность, что перед нами попытка изобразить крылатых «драконов», сделанная на основании рассказов, передававшихся на протяжении веков и тысячелетий из поколения в поколение. Основанием этих рассказов могли послужить впечатления первобытного человека, который несомненно видел чудовищ третичной фауны и вел с ними кровавую борьбу».

В провинции Кокль не сохранилось чистокровных представителей древнего племени кокль, его исторические следы окончательно утеряны, и даже легенды индейских племен, населяющих в настоящее время Панамский перешеек, не говорят ничего определенного об этих отдаленных предках. Есть основания предполагать, что культура племени кокль погибла во время катаклизма, вызванного извержением вулкана Гвайамайо. Колоссальной силы землетря-

Блюдо племени кокль с изображением водяных чудовищ

громных размеров, что толщина покрывавшей их чешуи равнялась толщине шеи быка...

Трудно думать, чтобы такие громоздкие тяжеловесные существа способны были летать. Возможно, что при помощи крыльев они лишь ускоряли свой бег по земле подобно страусу.

Натуралист Ричард Оуэн говорит:

«Крылатые рептилии доисторических времен должны были производить потрясающее впечатление, если учесть их огромные перепончатые крылья, свирепую пасть с загнутыми внутрь могучими зубами и злобный пронзительный

ОХОТА НА ВОЛКА С ПЛЕТЬЮ

(К рисунку на обложке)

Лютым врагом скотовод-казак считает серого стеного волка. Немало овец, ягнят и жеребят гионет под острыми зубами хищников. Большой вред наносят они хозяйству кочевников. И вот при всякой возможности стараются степные наездники свести счеты с волком. Заткнув за пояс длинную плетью — «камчу» — с зашитой на конце пугей, охотники сдлают своих не знающих устали лошадей и выезжают в степь.

Беда серому! Далеко высмотрят его зоркие глаза охотников. С пронзительным гиком несутся за ним всадники. Настигнув волка, охотник старается обскákat его с пеной стороны, и вот, со свистом рассекая воздух, падает первый удар плети на спину зверя. Начался расчет за поеденных ягнят и жеребят. Один наездник сменяет другого. Удары сыплются градом. Шкура волка иссечена; он ошалело мечется, не в силах уйти от преследова гелей. Его кружат по степи. И наконец, обессиленный, истекающий кровью волк бросается на скачущую рядом с ним лошадь. Охотник хорошо знает эту повадку затравленного зверя, стережет этот момент, и встречает нападение волка последним ударом плети. Счеты сведены...

И снова зоркий глаз скуластого охотника рыщет по степи. Отдыхает под казакком в легкой рыси конь, и оба готовы снова преследовать, настигать и бить своего врага.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Редакция доводит до сведения подписчиков группы журналов „Следопыт“ что все запросы по подписке, доплате, перемене адреса, а также о неполучении отдельных номеров журналов и книг Джека Лондона надлежит обращаться в КОНТОРУ „Следопыта“ (Москва, центр, Никольская, 10, а не в редакцию. Запросы, относящиеся к конторе журналов, но посылаемые подписчиками в адрес редакции, усложняют и задерживают своевременный ответ или досылку изданий

Редакция.

